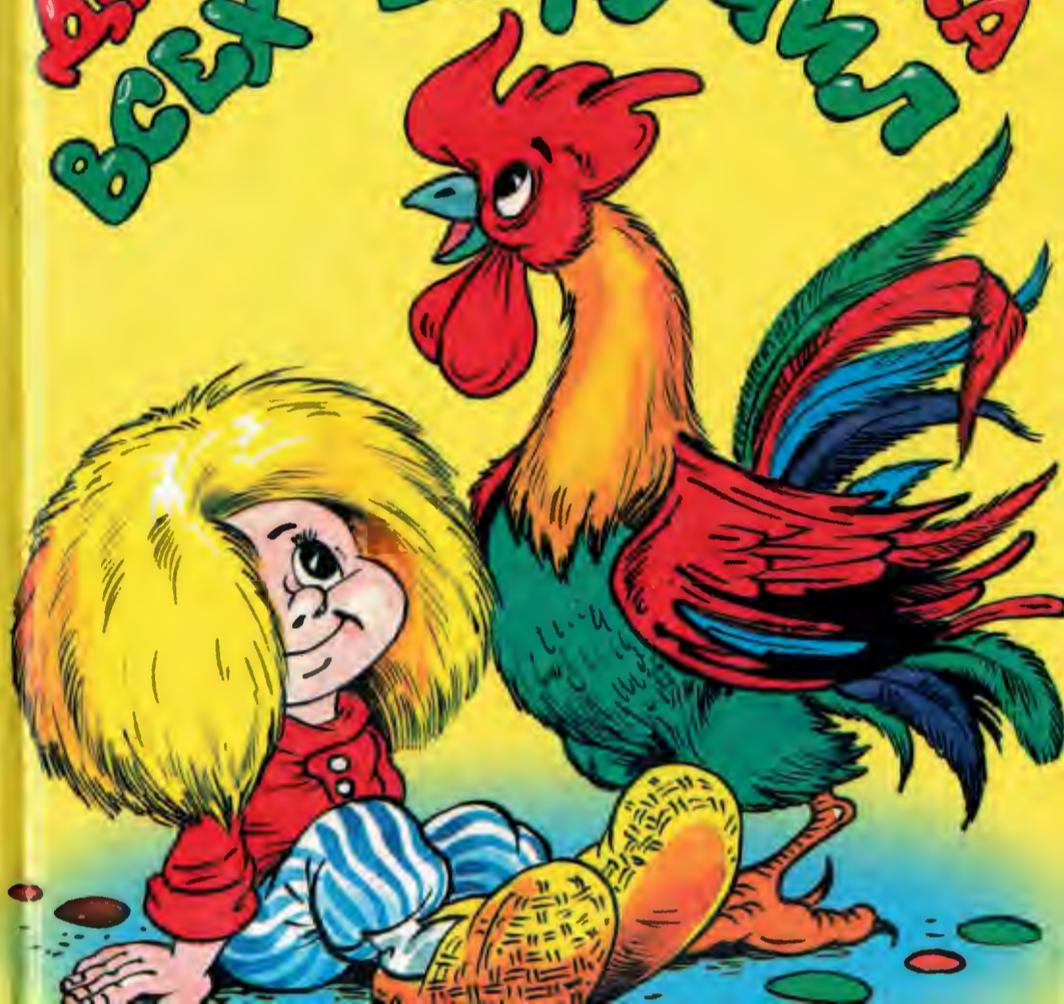

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Т. Александрова

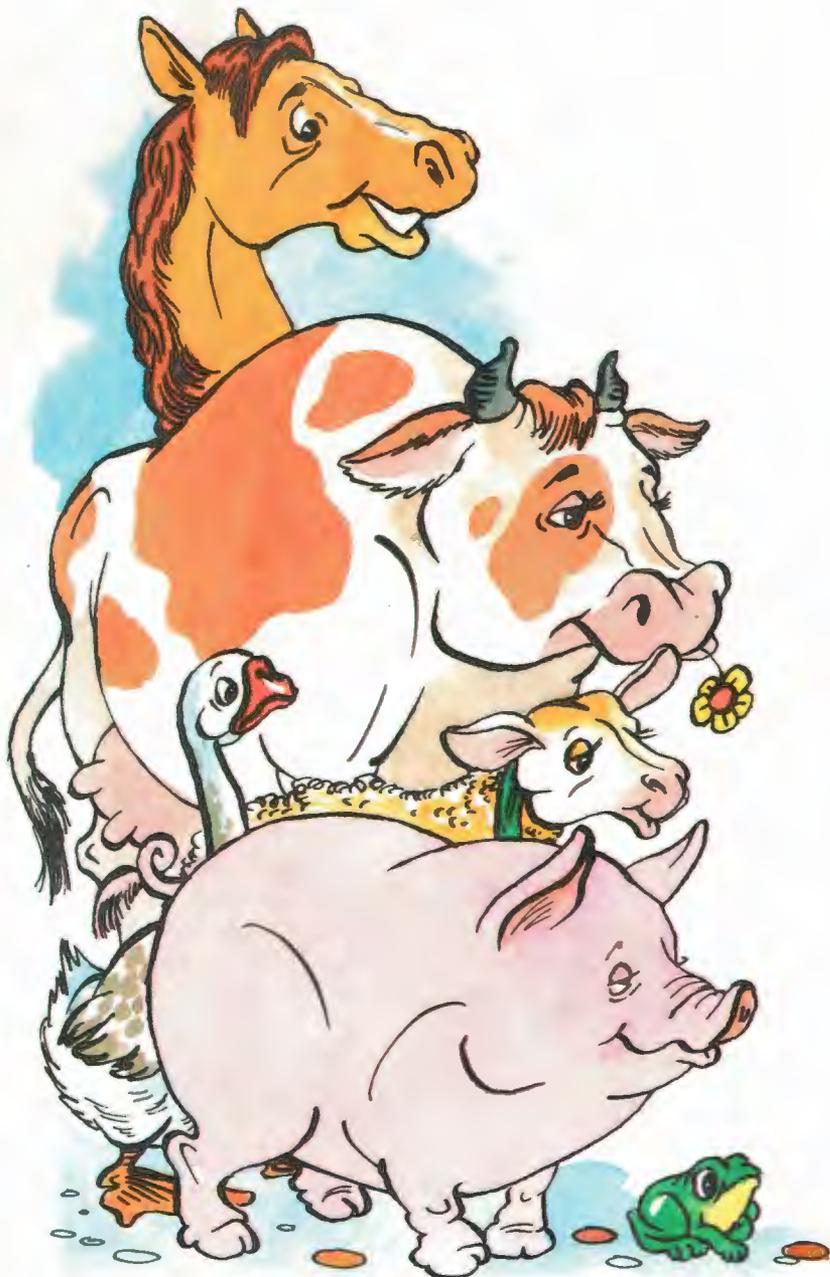
КАК
ДЯДОВЬЕНОК Кузвья
ВСЕХ ВЫРУЧИЛ

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Г. Александрова

КАК
ДОМОВЁНОК
КУЗЬКА
ВСЕХ ВЫРУЧИЛ

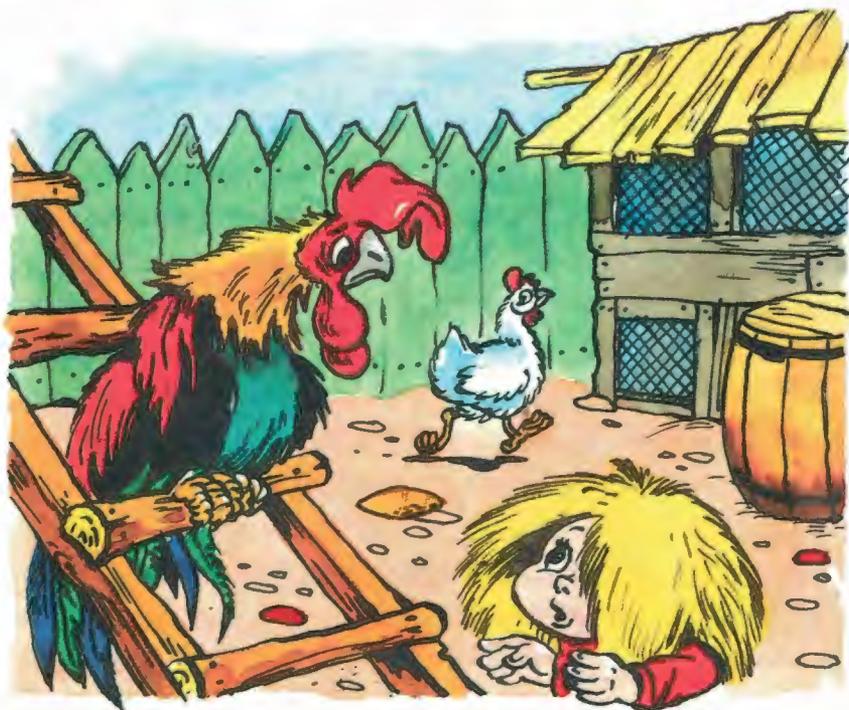

ИЛЛЮСТРАЦИИ
А. ШАХИДАЯ

ББК 84(2)
А 46

ISBN 5-94563-030-6

© Г. Александрова, 2001
© Илл. А. Шахгелдян, 2001
© «Стрекоза-Пресс», 2002

Глава 1

Утренние неприятности

Проснулось солнышко и в окошко заглянуло. Пробралось в самый дальний уголок и остановилось на носу маленького домовенка Кузьки. Кузька повертел головой, чувствуя приятное и нежное тепло, открыл глаза. «Какое чудесное утро», — подумал он и испугался. Значит, солнце высоко в небе,

утро всю разворачивается. Понял тогда домовенок, что проспал. Понял и запричитал:

— Ой, матушка родненькая, как же вышло так? Не дело мне, домовому, спать допоздна, бока свои отлеживать, ручки-ножки изнеживать. Где Тотошка? Почему не поет, не будит?

Подскочил Кузька к бабке Настасье, толкнул ее в бок. И внучку Анютку разбудил. К печи подбежал — холодная она, зола не убрана, завтрак не готов. Начал домовенок по хозяйству хлопотать, хозяйшек своих поучать. Кому веник подсунет, кому кадку для теста. За мукой полез — с головы до ног обсыпался. Тряхнул лохматой головушкой, чихнул пару раз, и во двор — на скотинку посмотреть.

Стоит она бедная, не кормлена, не поена, глазами сонными по сторонам посматривает, ждет родимая, когда это хозяева про нее вспомнят. Терпеливо ждет, не капризничает, только взгляд грустный.

Всегда вставал Кузька раньше солнышка, с первым петушком в деревеньке. Успевал до первых лучиков дела переделать, а потом и рассвет встретить. Только не пел сегодня петух Тотоша. Знать, беда с ним приключилась. А без петуха что за жизнь? Не жизнь, а мучение.

Угостил Кузька скотинку свежей солом-

кой, дал водицы ключевой, коня причесал и ленточку в гриву вплел.

Посмотрел-полюбовался — доволен остался. Пошел к петушку — узнать, что стало с ним, что случилось.

Сидит Тотоша на жердочке, головку свесил, крылья опустил, глаза закрыл. Сидит и кряхтит. Клюв раскрывает, а только голоса его звонкого не слышно, хрипит-скрипит несчастный, как колесо несмазанное.

— Ах, Тотошка, почему не пел сегодня, не разбудил меня? — спросил его домовенок. — Все проспали, ничего не успели.

— Да вот, — ответил петушок, — голос свой потерял, петь не могу.

— Да где ж потерял-то? — ужаснулся Кузька. — Как мы теперь будем? Вот беда-то, вот беда! Почему не смотрел за ним, не берег? Доверено тебе всю округу будить. Последний ты петух у нас. Маленькие еще не доросли, а взрослых нету больше. Как же проглядел, не уследил?

Тотошка только сильнее крылышки опустил. А что он скажет, если и сам не знает, где голос свой потерял, не заметил как-то. Понимает, что подвел деревеньку свою: как же он — петух — мог допустить такое, самого ценного лишиться! Заплакал Тотошка слеза-

ми горячими, еще ниже голову свесил. Стыдно ему.

— Помоги мне, Кузенька, — стал просить петушок, — поищи голосочек мой, не откажи в услуге.

— Отказать не откажу — свой интерес имею, — деловито ответил Кузька, — да только где искать его? Того не ведаю.

Вышел домовенок от петушка, пошел на огород, сел на грядку и задумался.

Да, ни разу такой беды в их деревне не было. А как представил деревеньку свою — сразу на сердце легче стало. Потому как красивая она была очень. И люди в ней добрые жили.

Стоит его деревенька на берегу речки Безымянки, между двух холмов. Дома в ней расписные, один красивее другого. В разные цвета покрашены, с резными ставенками и крылечками. Кто как мог украшал свой домик. Кто петушка на крыше приспособит, кто зверушку какую на воротах нарисует. Сады ухоженные, огороды размноженные, дорожки чистые, а люди голосистые. Живи — радуйся. Гостей зазывай — песни запевай.

Бывало, запоет петушок перед зорькой, разбудит домовых, хозяев и скотинку. Примутся все за дело, за работу. И ладится она и

спорится. Каждый своим занят. Никто никому не мешает, под ногами не крутится, всяк знает, что делать надобно. А как переделают все дела свои, тут и отдохнуть можно. В лесок ближайший сходить, на речку.

Нравилось Кузьке с русалками болтать, которые по речке Безымянке приплывали. А больше всего любил домовенок со своим другом играть, с маленьким лесным лешим — Лешиком. Тот свой лес как свои четыре пальца знает. Коли спрячется — ни за что не сыщешь. Но это не беда — у Кузьки свои секреты есть. Прятаться он тоже мастак, особенно когда Лешик приходит в гости к домовенку, в его светлую горницу. Вот там-то Кузька от души потешается, смеется-веселится.

А как наиграются друзья верные, так за стол садятся — горячих щей отведать или ватрушек с липовым чаем. Очень Кузенька ватрушки любил. Бабка Настасья часто пироги затевала. С творогом, с брусникой, с листом щавельным. А Кузька, бывало, пристроится под столом, стянет себе лакомые кусочки и сидит, причмокивает. Красота!

Но сегодня все с утра наперекосяк пошло. И пирогов бабка Настасья только к вечеру напечет, а есть сейчас хочется. Протянул Кузька руку свою, сорвал себе ягоды черной

смородины и принялся их есть. Сладкая смородина и, говорят, полезная очень. Поел домовенок смородинки, потом к гороху передвинулся.

Сидит Кузька на грядке, стручками щелкает. А немного в стороне Пугало стоит огородное. Увидало оно, что домовенок сегодня грустный да печальный.

— Чего грусть-тоску развел? Чего нерадостный?

— Да как же мне радоваться, коли утро проспал, хозяев подвел? — спрашивает Кузька, держа на раскрытой ладошке круглые, спелые горошины.

— Спать — не поле пахать — пуще простого, — изрекло Пугало, — что ж удивляться?

— Вот-вот, — поддержал Кузька, — петушок не пел, и я сделать ничего не успел. Стыдоба-стыдобушка на мою головушку.

— Не кручинься, — посочувствовало Пугало, — ты у нас домовитый, шустрый — справишься.

Посмотрел Кузька на огородное Пугало и подумал, что оно тут день и ночь стоит — много чего видит. Может, и голос Тотошкин видел.

— Скажи мне, Пугало наше трудолюбивое, не заметило ли ты голоса тут петушиного?

Тотошка потерял — петух глупый, а теперь мается. А где искать, и ума не приложу.

— Не видело я голоса. Ни на минуту со своего поста не отлучалось, во все стороны смотрю, птиц пугаю, гусениц гоняю. Вороны с утра были, жуки колорадские приходили, белянки-бабочки летали, пчелки жужжали, но голоса я не слыхивало, не видывало.

— Как же быть-то мне, горемычному? Пойду Тотошку выпрашивать. Авось вспомнит, где гулял, где голос потерял. Спасибо тебе, Пугало, за сочувствие, принесу тебе кафтан новый, а то твой ни на что не похож.

— Не надо мне нового — меня бояться никто не будет.
Мне же

положено пугать и ужас наводить, для того и стою страшное такое, — улыбнулось Пугало. — Но если есть у тебя метелка новая, то от нее не откажусь. Моя совсем облетела. Ворону по хвосту тыпнешь, а она и не чует. А с новой мне удобнее будет.

— Будет тебе метелка, — сказал Кузька, — самая что ни на есть тугая и знатная!

И пошел домовенок снова к дому. Хотел он найти петушка и поспрашивать его, попытать, где голос искать. Идет Кузька, хозяйским взглядом территорию свою осматривает. Следит за порядком. Все у него хорошо, все ладненько. Порадовался домовенок, повеселел немного.

В дом заглянул — бабка Настасья уже обед готовит, Анютка окошко моет. «Ах, умнички-разумнички», — подумал Кузька и к Тотоше отправился.

Вошел Кузька в сарай, где Тотоша жил. Тот как сидел на своей жердочке, так и посиживает. Кряхтит-пищит, крыло к горлу приложил — пытается голос вернуть.

Домовенок сел рядом с ним, свесил ножки в лапоточках, расправил свою рубашу красную, в белый горох, ручками по волосам провел — к серьезному разговору приготовился.

— Ну давай рассказывай, где гулял вчера, что видел? Кого встречал, с кем разговаривал? И вспоминай все хорошенько — не ошибись. Голос искать твой пойду.

Сидит петушок, вспоминает. По голове себя крылом гладит, старается.

— По огороду ходил, с курами разговаривал, с цыплятами малыми играл. От щенка бегал, тот хотел перо красивое из хвоста моего, а я пожалел, — прохрипел Тотоша, — потом в лес пошел, что за холмом. Там цветочки нюхал, с бабочками беседовал, червячков копал. Потом к роднику ходил, водицы там испил. Затем на речке с лягушками поболтал и домой вернулся. А за последнее время больше нигде не бывал. Искать, наверное, надо где-то там.

— Эх, растеряха, — вздохнул Кузька, подумав, что потерять голос Тотошка мог где угодно, — лучше бы ты дома сидел. Понесло тебя в лес-лесочек, зеленый кусточек. Мог бы тогда хоть голос дома оставить.

— А как бы я разговаривал? — возмутился Тотоша, — мне без голоса никак нельзя. Я, можно сказать, без голоса и петухом называться не могу.

— Это ты теперь петухом не можешь назы-

ваться, — укорил его Кузька, — не поешь, не будишь. Сидишь на жердочке, курам на смех.

— Не ругай меня, Кузенька, — снова повесил голову Тотоша, — сам мучаюсь. И про кур не вспоминай — замучили уже.

Тут в раскрытую дверь заглянули две пеструшки и закудахтали:

Петушок, петушок —
Золотой гребешок.
Голос свой потерял,
В темном лесу разменял.
Деревеньку не будил,
По двору не ходил.
Теперь плачет петушок —
И не нужен гребешок.

— Ты видишь, — сказал Тотошка, спрыгнув на землю, крылья расставив, хвост распушив, на кур кинувшись, — смеются, болтушки, дразнятся.

Куры вылетели во двор и принялись там с остальными кудахтать. А петушок сел снова на жердочку и залился горячими слезами.

— Найди голос, Кузенька, а то совсем засмеют, закудахчат. Ценить меня перестанут. Цыплята отвернутся, утята обсмеются. Горе мне, горе! — причитал Тотоша.

— Да не плачь, — сказал домовенок, — во-

ду соленую здесь не лей. Найдем голос твой, раздобудем. Все силы приложу — небось отыщется.

— Скорей бы, родимый, спаситель мой, избавитель, — не мог успокоиться петушок, — не жизнь мне в деревне без голоса — сам понимаешь.

— Тут сиди, — Кузька показал на жердочку, — никуда больше не ходи. И кур не ругай — они ни в чем не виноваты. А я в лес пойду. Там разведу. Может, Баба Яга на голос твой позарилась. Захотела нам жизнь попортить. Никак опять в доме для плохого настроения живет, старая.

Кузька слез на землю, поправил вилы, что грозились упасть, и вышел во двор. Порадовался домовенок, что все своим делом занимаются, утро догоняют.

Взял в доме узелок с хлебными корочками — пирогов-то нет, и отправился в лес.

Глава 2

Где же друг закадычный?

Кузька поднялся на холм, повернулся и посмотрел на свою деревеньку. Отсюда, с высоты, она выглядела еще краше. Стройный ряд домиков, аккуратные огороды, сады — все радовало взгляд домовенка.

Но надо было спешить, и Кузька пошел в сторону леса. Решил домовенок первым делом своего друга, маленького Лешика, найти. Он все лесные новости знает, может, и про Тотошин голос что-то слышал?

А в лесу было очень хорошо — пели птички, листики на деревьях шептались, жужжали пчелы и шмели, попискивали комарики. Вот только Лешика нигде не видно. И дома, наверное, его нет. Кто в такую прекрасную погоду будет сидеть в старом пне? Конечно же, он где-то гуляет.

Попробовал Кузька позвать Лешика. Громко крикнул, да никто на его голос не откликнулся — только стайка птиц с ветки улетела. Посмотрел домовенок по сторонам — у кого бы спросить, где Лешика искать. Видит, на

одной ветке дуба Ворона сидит, по сторонам глядит. Подошел Кузька поближе и обратился к ней с приветливой речью.

— День добрый, Ворона — черное крыло. Как поживаешь? — домовенок подумал, что неудобно сразу к делу приступить.

Побеседовать сначала надобно. — Как здоровье твое?

— Чего это тебя здоровье, кар, мое интересует? — удивилась Ворона.

— Ну как же, — ответил домовенок, — никому зла я не желаю, хочу, чтобы здоровы все были, радостны.

— Дело, что ли, имеешь, кар? — Ворона спустилась поближе.

— Имею, правильно говоришь, — не смутился Кузька, — не видела ли ты, голубушка, Лешика — друга моего?

— Поутру видела, как он русалок за хвосты ловил, — нехотя ответила Ворона и снова каркнула, — плескался-игрался вместе с ними в реке, но наблюдать за ним мне некогда — своих дел хватает, кар. Так что не знаю я, где его носит.

— Жаль, — огорчился Кузька, — мне бы крылья твои — я вмиг бы нашел его.

— Крылья тут ни при чем, кар, если он в кусточках спрячется — все равно не увидишь, — поправила его Ворона — черное крыло. — Ты лучше у жуков-пауков поспрашивай, может, они тебе что подскажут. Кар-кар.

Вышел Кузька на полянку и увидел большого полосатого Шмеля. Тот сидел на цветочке, тыкался своим хоботком в самую его сердцевину — нектаром лакомился и усердно жужжал.

— Приятного аппетита, — обратился к нему Кузька, — как нектар? Сладок ли?

— Хорож-ж-ж, ничего не скажеж-ж-ж, — прожужжал Шмель, — да только тебе что ж? Ты же его не еж-ж-ж, не пробуеж-ж-ж?

— Интересуюсь, — пояснил домовенок, — мне все хочется знать. А вдруг пригодится?

— Все мож-ж-жет быть, — Шмель перелетел на другой цветок, чуть подальше.

Домовенок испугался, что Шмель сейчас совсем улетит, а он так ничего и не узнает. Решил Кузька не болтать больше попусту и спросил:

— Может, видел Лешика, Шмелюшка? У меня к нему дело срочное, неотложное.

— Ж-ж-ждал он на пенечке белку-вер-

туж-ж-жку. В салки они собирались играть. Меня ж-ж-жвали, да только мне некогда с ними баловаться. Спроси у Кукуж-ж-жки. Вон как она раскуковалась. Заслуж-ж-жаешься.

И, в самом деле, было слышно, как где-то на соседнем дереве Кукушка кукует. Стал ее высматривать Кузька — должен же кто-нибудь знать, где Лешик ходит. Увидел, подошел поближе, голову поднял так, что чуть панамку не потерял. Кузька специально ее надел, потому как день выдался жаркий. Так вот, придержал Кузька панамку рукой и поздоровался с птицей.

— Ку-ку, — ответила Кукушка, — ты, Ку-кузя, в лес погулять пришел?

— Лешика найти не могу, — сразу рассказал о своем деле домовенок, — может, видела где?

— Ку-куда он бегают, не знаю, разве за ним уследишь? В ку-кустах муравьев рассматривал. Да только давно это было. Ку-ку. Давай погадаю тебе лучше, сколько годков на роду твоём написано, — предложила Кукушка.

— Нет, спасибо, — махнул рукой Кузька, — зачем мне это, да и некогда. Эх, Лешик, почему на месте не сидишь? Вечно полдня потеряешь, прежде чем свидишься с тобой.

Решил Кузька пойти искать Лешика к дедушке Диадоху. Вышел он на знакомую тропиночку и пошел по ней к знакомому пню. Именно там и жили Лешик с дедушкой Диадохом. Идет домовенок, по сторонам смотрит и дивится красоте лесной. Царит в лесу гармония. У каждого дом лесной есть, каждый своим делом занят. Никто никого не обижает, никто никому не мешает. Солнышко светит или дождик идет — все благодать.

Не заметил Кузька, как за этими думами подошел к пню, где лесные лешие жили. Остановился и вежливо постучал по трухлявой деревяшке. Долго ждать не пришлось — слышалась внутри какая-то возня, и показалась лохматая голова дедушки Диадоха.

— Ох, никак Кузька к нам пожаловал, — прокричал он, — Лешика ищешь?

— Да, дело у меня к нему срочное. Не подскажете, где искать его? — спросил домовенок.

— Да разве уследишь за постреленышем? Как убежал с утра, так и носится по лесу. Не сидится ему на месте.

— А я так надеялся, что встречу его, — вздохнул Кузька, — ну если придет, вы передайте, что заходил к нему Кузька, искал.

— Обязательно скажу. А что за дело, может, я помочь смогу?

— Да у нас петушок голос свой потерял, не поет, не будит. Вот ищу его.

— Нет, в этом я тебе не помощник, — сказал дедушка Диадох, — мне уже трудно ходить куда-то, искать. Случается, что без меня никак не обойтись, но сейчас ты и сам справишься. Может, и Лешика где встретишь. Он поможет. Внук у меня хоть и маленький еще, но многое в лесу знает и в помощи не откажет.

— Спасибо тебе, дедушка Диадох, пойду я, — Кузя попрощался и пошел дальше.

Немного грустно стало домовенку. И решил он слегка подкрепиться. Нашел подходящую полянку, сел на пенечек, достал из своего узелка хлебушек и принялся жевать его. Тут же слетелись к нему птички-невелички и стали кружить рядом.

Понял Кузька, что им тоже хлебных крошек охота. Взял он свою горбушку, отломил от нее кусочек, на крошки растер и позвал пичуг.

— Идите, угощайтесь. Давно небось хлебушка не ели.

Птички слетелись к нему и принялись крошки клевать. Клевали-клевали — спасибо сказали и улетели.

Пошел Кузька наугад по лесу бродить. Идет, ко всем звукам прислушивается и думает: «Мне Тотошин голос искать надо, а я тут неизвестно чем занимаюсь — лешего ищу. Нет, придется, видно, обойтись без него. Откладывать же нельзя». Только подумал об этом домовенок, как тут же из кустов послышался знакомый голос.

— Кузька! Ты ли это? Глазам своим не верю, — из куста бросился к другу маленький леший, — ах, как я рад, что встретил тебя! Давно мы с тобой не виделись, — Лешик повалил домовенка в траву и ну его катать, в игру играть.

— Что ты! Что ты! Рубаху помнешь, панаму стряхнешь, — начал отчитывать

Лешика Кузька, — вот налетел, как ветер сильный. По делу я к тебе пришел — некогда мне играть. Беда приключилась у нас.

— Что за беда-лебеда? — спросил Лешик, отряхиваясь. — Рассказывай. Помогу, чем смогу.

— Наш петух Тотошка, ну ты его знаешь. Вот. Он голос свой потерял. Сегодня поутру не будил, мы все и проспали. Хрипит, кашляет — где оставил голос свой, не знает. Вот и хочу я найти Тотошин голос, без него жизнь тяжела будет.

— И правда, беда, — махнул своей головой с веточками Лешик, —

как же без петуха на деревне? Я тебе помогать буду, в лесу все меня знают — подсобят.

— Я знал, что могу на тебя положиться, — довольно сказал Кузька, — уж сколько я тебя искал! А ты вот сам показался. Ну давай — показывай свои владения, где тут голоса теряться могут.

— Вообще, у совы поспрашивать можно, — отозвался Лешик, — она у нас жуть какая умная. Только она сейчас спит, а ее будить, что козлов доить — все одно не добудимся. Старая она, спит, ничего не слышит. Да и так кричать приходится, но зато если что случается, то она посоветовать может.

— Нет, до вечера ждать я не могу, — повертел головой Кузька, — у меня дел по дому многовато будет. А кого другого спросить нельзя ли? Тотошка говорил мне, что он тут с бабочками разговаривал, с цветочками. Еще с червячками, лягушками. У родника воду пил. Давай к ним сперва наведаемся.

— Пошли, я тебя самыми быстрыми и удобными тропками провожу, всех покажу.

И Кузька с Лешиком пошли искать всех, кто видел петушка Тотошку.

Глава 3

Никто ничего не знал...

Пришли на полянку, где цветочки росли. Конечно, в лесу много полянок, на которых цветочки, но эта была самой ближней к Кузиной деревеньке. На ней и хотели поспрашивать домовенок с Лешиком.

Цветы были самыми разными и очень красивыми. Они, как увидели гостей, повернулись к ним своими головками, развернули свои листики и цветочки — предстали в полной красе.

А какие запахи при этом распространялись! Аж в носу у Кузьки защекотило. Так свербило, что домовенок не удержался и чихнул со всей силы, чуть цветочки не помялись от такого чиха.

— Осторожней, — сказал один цветок, поправляя свои лепестки, — что ветер нагоняешь?

— Будь здоров, — сказал другой цветок.

— Расти большой, — добавил третий, и все засмеялись.

— Спасибо, — засмутился Кузька, — у ме-

ня от вашего аромата аж голова кругами пошла, остановить не могу.

Вся полянка залилась негромким смехом. Так редко кто-нибудь приходил поговорить с цветами, что они всегда были рады любому, кто обращал на них внимание. И старались показаться во всей красе, поэтому пахли сильнее обычного.

Но как Кузька сказал, что у него голова кружится, они сразу пожалели его и запахи свои попрятали. Совсем, конечно, не получилось, но в носу уже не щекотило.

— Эй, цветики-разноцветики, — обратился к ним маленький леший, — дело у нас к вам серьезное, просьба великая.

— Что такое? — продолжали улыбаться цветики. — Неужели мы кому-то понадобились? Вам букет нужен или что другое?

— Нет, — сказал Кузька, — мы голос ищем. К вам приходил вчера петушок из соседней деревеньки?

— Да, приходил, — разговор за всех решила вести самая большая Ромашка, видно, она была и самой важной, — он тоже с нами говорил. Хвастался, какой он умный, красивый, голос, говорит, у него громкий, звонкий — просто сказочный.

— Вот-вот, именно о нем и речь, — обрадовался

Кузька.

— Хвалился, хвалился, а как мы на него запахи напустили, так в траву и свалился. Лежит, ногами своими дрыгает, крылом нос прикрывает, чихает, — снова засмеялись цветы.

— А голос свой он тут не потерял? — огляделся Кузька по сторонам.

— Мы ничего не заметили, — сказала Ромашка, — кажется, он вместе с ним и ушел. А что, вам голос нужен?

— Да, — сказал домовенок, — потерял Тотошка голос, а без голоса его на деревеньке жить трудно.

— Нет, — качнула головкой Ромашка, — голоса нет у нас. Но мы можем вам запахи подарить. Какие только захотите — и пряные, и сладкие, с горчинкой, с малинкой. Даже есть у нас один экзотический, — Ромашка показала на маленький необычный цветок, — это магнолия. Думаю, что и она не откажется поделиться тем, что имеет.

— Спасибо вам, цветики-разноцветики, — поклонился им Кузька, — только не нужен нам запах. Вернее сказать, нужен, но только в этом деле он нам не помощник. Именно голос нам необходим.

— Ну что ж, — ответили цветочки, — жалко, что не смогли помочь вам. Очень уж ты, Кузенька, нам понравился, — снова захихикали они.

— А я? — спросил недоуменно Лешик. — Чем я плох?

— Ну что ты, — Ромашка опустила голову, — конечно, ты нам нравишься. Просто тебя мы уже знаем, а тут такой гость пожаловал!

Лешик немного засмутился, веточками прикрылся. От такого счастья у него даже цветок на голове распустился.

— Не забывайте нас, — сказала Ромашка, — приходите, поболтаем. Просто так.

А то так нам скучно и одиноко. По лесу ходить мы не можем, вот и приходится только друг с другом разговаривать.

— Обязательно придем, — заверил Кузька, — только разберемся с делом неотложным и важным и придем.

Попрощались друзья с цветами на полянке и отправились дальше по лесу бродить — голос искать.

— Куда теперь? — спросил маленький леший. — Кого еще спрашивать будем?

— Надо бабочек разыскать, — сказал Кузька, — они тоже Тотошку видели, может, знают что.

Не успели Лешик с домовенком вспомнить про бабочек, а они тут как тут.

Вокруг друзей кружатся, крылышками своими машут, на голову Лешику садятся.

Смотрит Кузька на друга — а он как с банти-

ками. Только бантики на голове не обычные, а живые. Шевелятся, всеми цветами радуги переливаются.

Лешик стоит, ничего сам понять не может, смотрит на Кузьку, а тот улыбается, что-то на голове его разглядывает. Поднял Лешик свои руки-веточки вверх, спугнул бабочек. Они полетали, и одна ему прямо на нос села.

— Что за дела невиданные? — снова спугнув бабочку, спросил маленький леший. — Зачем на нос садиться-то?

— Твой нос, что веточка кусточка, — засмеялась Бабочка, — удобно. А на голове цветок — как же не присесть?

— Бабочка, расписное крылышко, — начал разговор Кузька, — не видела ли ты вчера петушка из соседней деревеньки — Тотошку нашего?

— Как же, видела. По лесу франтом ходил, хвост свой распушил, голосом хвастался, — ответила Бабочка, присев на ближайший кусток.

— Дохвастался, — сказал Кузька и стал рассказывать Бабочке, что за дело у них, — потерял он голос свой, теперь ходим-ищем. Ты, случайно, не видела?

— Нет, — ответила Бабочка, — голос свой не оставлял, вместе с ним и ушел. А зачем вам голос?

— Утром деревню будить надо, а без голоса разве справишься, — посетовал Кузенька.

— Могу дать вам цвета разные, — предложила красавица — расписное крылышко, — может, они вам помогут в чем. Другого у меня нет, а этим поделюсь.

— Спасибо, добрая ты, — поблагодарил домовенок, — только в этом деле они нам не помощники.

— Да, — повторил за Кузькой Лешик, — одним цветом не разбудишь. Им только любоваться можно. Вон ты какая красивая! Загляденье!

— Какой милый леший, — захлопала крыльями Бабочка от смущения, — приходи со мной играть. И ты приходи, — обратилась она к домовенку, — вместе веселее.

— Обязательно придем, — сказал Кузька, — вот только голос найдем. Медлить с этим нам нельзя, а игру можно и отложить.

— Оно, конечно, так, — вспорхнула Бабочка, — желаю вам удачи, — и улетела.

— Никто голоса не видел, не находил, — пригорюнился Кузька, — видать, не найти нам его.

— Не печалься раньше времени, — приободрил друга Лешик, — лес мой большой — походим еще, поспрашиваем.

Пошли друзья дальше. По самым неведомым, коротким тропкам пошли они к реке. Уже издали стало слышно, как камыши шумят и лягушки квакают. Влажным ветерком повеяло — прохладой. Кузька панамку свою снял — голову проветрить.

— Благодать, — сказал Кузька, — в такую жару только у реки сидеть, на камушки смотреть, в воде ноги полоскать, с русалками играть.

— Можем и поиграть, — обрадовался такому предложению Лешик, — с ними весело, искупаемся опять же.

— Забываешь ты, Лешик, что недосуг мне сейчас с русалками играть-веселиться. Голос искать надо.

— Вот заодно и у них спросим. И у лягушек, что Тотошку вчера видели.

Подошли они к реке. Вода в ней синяя, с зеленоватым оттенком, прозрачная, так и приглашает окунуться. Между камней рыбки серебристые плавают, хвостами медленно водят.

Стал Лешик кликать лягушек. Появились на берегу несколько, квакают, лапками трясут. Сели на камушки, освещенные солнышком, — греются.

— Зачем к нам, ква-ква, пожаловали? — спрашивают.

Кузька подошел ближе, тоже присел на камень, вытянул ножки, чтобы отдохнуть с дороги, и говорит:

— Петушка нашего Тотошку встречали вчера?

— А ква-квак же. Был он здесь. Все с нами разговаривал, дразниться пытался. Только не получалось у него ква-квакать, квак мы, — засмеялись лягушки.

— А голос свой не терял? Не видели? — спросил Кузька.

— Кукарекал он хорошо, — стали нахваливать Тотошку лягушки, — да только голоса не оставлял, с собой взял. А у вас что, совсем голосов нет?

— Да есть, — призадумался домовенок, — да все как-то не те, что надо.

— Возьмите наши, мы поделимся, — заквакали лягушки, — нам не жалко.

Тут Кузька еще подумал и сказал:

— Нет, нам кваканье не подойдет. Вы, ко-

нечно, хорошо квакаете, ничего не подумайте плохого, да только у нас все привычные, что по утрам слышится кукареканье. Пока это все заново привыкнут. Да и сила нужна, чтобы вся округа слышала.

— Ну тогда не знаем, чем вам помочь, кваква, — лягушки прыгнули в воду и поплыли, смешно отталкиваясь задними лапками. Кузька и Лешик долго стояли, смотрели на них, пока лягушки-квакушки совсем не скрылись из глаз.

— Русалок звать будем? — спросил Лешик.

— Нет, Тототшка с ними не разговаривал, так что они, наверное, тоже ничего нам не подскажут.

Кузька продолжал сидеть на камне, а Лешик рядом на траве. Солнце стояло высоко в небе, и было невыносимо жарко даже у реки. Друзья совсем раскисли то ли от этой жары, то ли от тоски-кручинушки.

По реке проплыли дикие утки. Одна была большая — мама, а за ней, старательно перебирая лапками, двигались маленькие утята. Они увидели Кузьку и громко закричали.

— Мама, кря-кря, смотри — это домовенок из соседней деревни, кря-кря. Что он тут делает?

— Хватит по сторонам глазеть, — важно ответила мама-утка, — вы что, домового никогда не видели? Нам нельзя отвлекаться — мы учимся плавать.

Она даже не повернулась в сторону друзей. Утята немного поотстали, но потом быстро пристроились следом за мамой и поплыли дальше.

— Вот, — сказал Кузька, — у всех свои дела, только я сижу тут, прохлаждаюсь. Пошли, Лешик, дальше, — встал домовенок с камня, натянул на лохматую голову панамку, махнул пухленькой ручкой Лешику, и пошли они дальше по тропинке вдоль речки.

Со всех сторон на дорожку ивы свешивали свои тонкие ветки, которые касались земли. И тут Кузьке на нос что-то капнуло.

— Что это? — домовенок вытер с носа белую тянучую каплю. — Не пойму.

Лешик стал смеяться. Он хватался за свой ствол-животик, а потом начал валяться и кататься по земле. Ему было очень смешно.

— Ну что ты веселишься? — Кузька обиделся. — Ты толком объясни, что такое мне на нос капнуло?

Лешик встал на ноги, продолжая улыбаться, показал на дерево и сказал:

— Это ива плакучая. Это она на тебя свою слезу уронила.

Кузька сразу стал серьезным. Он поглядел с сочувствием на дерево, тут на него упала еще одна «слеза».

— Ах, бедняга-бедолага! А что у нее случилось? Почему плачет-то? Тоже что-нибудь потеряла?

— Да нет, — ответил Лешик, — она всегда такая. Плачет, и все тут.

— Просто так не бывает слез, — уверенно сказал Кузька, — надо спросить, может, помочь можно?

— Спасибо, добрый домовенок, — тихо прошелестела ива, — только ничем ты мне не поможешь. Плачу я, потому что река меня влагой питает, да столько воды мне не выдержать, вот и приходится ее в слезы собирать, на землю бросать. Ушла бы я от реки, но без нее мне не жить.

— Бедная ты, бедная, — пожалел иву домовенок, — как же ты без радости?

— Почему без радости? Это ведь мои слезы облегчения. Как поплачу, мне сразу хорошо и радостно становится. Тут от радости плакать начинаю.

Подивился Кузька такому порядку, пожал

плечами. Все равно не хотел бы он вот так стоять и слезы лить. Ни от радости, ни от печали. Но больше ничего спрашивать не стал — каждому свое на роду написано. Может, и ива не согласилась бы быть на месте домовенка, его тяжелой работой заниматься? Подумал так Кузька, и пошли они с Лешиком дальше.

— Стой, — остановился вдруг домовенок, — мне ж еще с червячками поговорить надобно. Ведь Тотоша и с ними возился.

Спустились друзья поближе к речке, где червяков много в мягкой земле было. Лешик сделал в земле дырочку палочкой и стал звать червячков. Вылез один, посмотрел по сторонам и увидел Кузьку с маленьким лешим. Хотел сначала спрятаться, но потом подумал, что они червяков не едят и с ними можно разговаривать, не опасаясь.

— Зачем звали? — буркнул Червяк.

— Голос ищем, — опешил от такого невежливого вопроса Кузька.

— У нас? — удивился Червяк и вылез весь на поверхность земли. — Народ совсем с ума походил. Где ж это видано, голоса под землей искать?!

— Тотошка наш голос потерял, так, может, вы находили? — спросил домовенок.

— Знаем мы вашего Тотошку! Вчерась приходил, рылся тут, копался, все норки и ходы нам разрушил, — с обидой рассказывал Червяк, — кукарекал так, что на глубине всех сонь разбудил. Тотошка! Чтоб ему пусто было!

— Как же так, — начал причитать Кузька, — ах, разбойник!

— Вот, вот, — поддержал Червяк, — такого еще поискать. А голоса его мы не видели и не брали. Даже если бы и увидели, то все равно не взяли — нам такое кукареканье ни к чему. У нас под землей тихо. Зачем такое грохотанье?

— Да, — протянул Лешик, — видно, и здесь нет голоса. Что же, Кузенька, ты теперь делать будешь?

Кузька посмотрел на небо. Скоро вечереть начнет. Надо домой торопиться. Не сыскать ему голоса — другой выход искать надо.

— Ты вот что, дружочек, выведи меня из леса — домой пойду, — опечалился домовенок, — будем с другими домовыми думать, что дальше нам делать. А в лесу, видно, никто Тотошиного голоса не находил. Не здесь его петух потерял, ох, не здесь. Неужели никто бы такого громкого голоса не нашел, не услышал?

— Верно говоришь, такой голосок просто так не пропадет, везде себя покажет, проявит.

На том и порешили. Повел Лешик Кузьку к холму, за которым его деревенька находилась. Пока шли, совсем солнышко село. Стал Кузька еще больше торопиться.

— Совсем я загулялся, про время забыл, — ругал себя Кузька, — надеюсь, хозяйюшки мои сами со всем справились. Уж и пироги должны готовы быть, и кашка, и борщок. Да корову подоить надо, скотинку накормить, огород полить, — все причитал домовенок.

— Не волнуйся, — сказал Лешик, — хозяйки у тебя хоть и не такие умные, как ты, но знают, что да к чему. Уж сколько ты их учишь! Небось не забудут ничего сделать.

— Все одно — проверить надо, совет какой дать, — Кузька вышел с Лешиком из леса и увидел свою деревеньку, — дошел, стало быть, — улыбнулся он.

— Приходи, — пригласил Лешик, — а то мы сегодня даже поиграть не поиграли, в салочки не погоняли.

— Приду, вот только с делами разберусь, — пообещал Кузька и, махнув рукой, пустился с холма бегом и вприпрыжку к родному дому.

Тихо и спокойно было в деревеньке. Из труб шел дымок — хозяйки стряпней занимались. Во дворах мычали коровы, требуя вечерней дойки, слышался смех ребятишек да песни бабулек, что со всеми делами закончили и собрались на завалинке.

Кузька вбежал в избу и остановился на пороге. Бабка Настасья вынимала последний пирог — большой, пышный, ароматный. Такой он был привлекательный, что у Кузьки даже слюнки потекли. А может, проголодался просто? Весь день на корочке хлеба — так и ноги можно протянуть.

Тут Анютка в дом вбежала. Чумазая с головы до ног. И где только так измазалась? Посмотрел на нее Кузька — чуть с ног не свалился. «Ну вот, — подумал он, — стоит мне отлучиться, так здесь такое творится!» Подпихнул Кузька Анюту к рукомойнику, чтоб отмывалась. Та вздохнула, но принялась ручки, личико тереть, а то бабка Настасья и за стол не посадит, пирогов не даст.

Стол накрыли, уселись ужинать. Кузька под столом сидит, пироги, ватрушки таскает. Ест и причмокивает от удовольствия. Потом кваску попил, к ножке стола привалился и задумался.

Надо было идти домовых собирать, чтобы решать, как же теперь дальше жить без голоса петушиного. Пока не найден он, надо что-то другое придумывать.

После ужина бабка Настасья с Анюткой стали посуду мыть, со стола прибирать — все как надо. Удостоверился Кузька, что и без него все ладно идет, вышел на крыльцо, еще раз оглядел свои владения и пошел по домам домовых на встречу собирать. Перед тем еще разочек к петушку заглянул. Тот как сидел на жердочке, так и продолжал сидеть.

— Ну что, Тотошка, не объявился голос твой? Я-то нигде его не нашел. Никто в лесу его не видел.

— Нет, — прохрипел петушок и заплакал, — не вернулся голосочек мой родимый. Не смогу я завтра будить, петь-голосить. Придумай что-нибудь, ты ведь умный у нас, догадливый.

— Пойду с другими домовыми разговаривать. Что ж еще остается? — махнул ручкой домовенок.

Зашел Кузька к одному домовому, сказал, чтобы он пошел в один край всех вызывать, а сам в другую сторону отправился. Встреча была назначена в заброшенном доме на кон-

це деревеньки —
именно там и со-
бирались домо-
вые дела свои ре-
шать.

Когда все со-
брались, уже
совсем
стемне-
ло. В ок-
нах свет
зажгли.
Сверчки
песню свою
вечернюю
запели, ноч-
ные бабочки летать на-
чали.

— Вот что, друзья
мои, сотоварищи, — на-
чал говорить Кузька,
когда все домовые: и
большие, и малые —
расселись по старым за-
пыленным лав-
кам, — не
мне вам

рассказывать, что беда в нашу деревеньку заглянула. Наш Тотошка голос свой потерял. Будить теперь некому.

— Да, — сказал самый старый и заслуженный домовой, — про беду эту слыхивали. Думу эту думали. А ты не нашел, Кузенька, голоса?

— Весь день сегодня по лесу бродил, да только никто голосочка петушиного не находил, не встречал, не видывал.

— Да, трудна задачка, да только решить надобно, — это бородатый домовой в разговор вмешался. — Что делать будем?

— Замену найти надо, — предложил Кузька, — петушки малые не смогут разбудить всю деревеньку. А у кого еще голоса громкие?

Стали все наперебой предлагать, кому доверить это дело важное, кто сможет утром хоть не спеть — просто разбудить. Кто корову предлагает, кто овец. И свинью попросить можно, и гуся громогласного, и лошадку, и собаки лают хорошо.

Поговорили-поспорили — и поняли, что у всех свои дела.

— Ладно, — сказал Кузька, — я про себя-то совсем забыл. Одну ночку сам могу подежурить. Спать не буду, а перед зорькой ясной буду по домам ходить, домовых будить, а вы уж потом своих поднимите.

На том и порешили. Вечером Кузька еще раз обежал всех домовых — все одно ему ночку не спать, сказал, что придет поутру будить, чтобы те чутко спали, во сне прислушивались, а потом домой вернулся.

Глава 4

В гостях у Бабы Яги

Эх, какими долгими кажутся ночи, когда сидишь один на крылечке своего дома, а все вокруг спят! Так думал домовенок Кузька,

глядя на ночное небо. Хорошо, что его можно было рассматривать. Звезд было так много, что у Кузьки в глазах иногда рябило. Совсем загрустил бы домовенок, если бы не сверчок, что сидел где-то совсем рядом в кустах. Тот так хорошо пел по-своему, по-сверчиному, что Кузька заслушался. Иногда пролетали бабочки ночные, комарики попискивали. С речки слышалось кваканье лягушек, а из леса уханье совы.

Хорошо, что летом ночи короткие и на улице тепло, а то бы Кузька ни за что не выдержал целую ночь без сна. Совсем скоро небо посветлело и запели соловьи. «Вот где чудо-то, — восхищался домовенок, — и словами не передать, как прекрасно они поют». Он так увлекся соловьиным пением, что чуть не забыл, что ему надо по деревне бежать, домовых будить. Вспомнил он это, когда почувствовал, что утренняя свежесть его пробирает.

Забежал Кузька домой за пиджачком с большими красивыми пуговицами, а потом пошел будить домовых. Сон сразу словно рукой сняло, как только понял Кузька, что опоздать может.

Сбегал по-молодецки Кузька по домам, поднял всех с постелей теплых. Сам домой

вернулся — от усталости с ног валится, а спать нельзя. Все один вопрос одолевает: где же Тотошин голос искать? Тут опять пришла в голову мысль, что это Баба Яга могла его подобрать и себе забрать. И решил Кузька, что пойдет сегодня к ней.

Только благодаря маленькому домовенку в деревне никто не проспал. Кузька был очень рад, что смог всех выручить. Он проследил за бабкой Настасьей и Анюткой, позавтракал и отправился в лес искать Бабу Ягу.

На холме его уже ждал Лешик.

— Я так и знал, что ты сегодня еще раз к нам придешь! Ну как, не мог остановиться маленький леший, — не нашелся голос? Кто сегодня народ будил?

— Нет, — с грустью ответил Кузька, — голос так и не нашелся. И мне пришлось всю ночь не спать, чтобы с утра разбудить всех домовых, а они остальных подняли.

— Ты просто молодец-удалец, — восхитился Лешик, — я тобой горжусь. Мне очень приятно, что у меня есть такой друг.

От такой похвалы Кузька просто растаял. Щеки залились румянцем, глаза в землю уткнулись, даже носки лаптей внутрь повернулись.

— Сегодня чем займемся? — вывел Кузьку из состояния смущения Лешик.

— Я хотел к Бабе Яге наведаться, может, это она голос Тотошкин подобрала.

— Ну пошли, — Лешик повернулся в сторону, куда надо было идти. — А в какой дом мы пойдем? Где будем искать? В доме для плохого настроения или для хорошего?

У Бабы Яги действительно было два дома с такими названиями. В одном она была злая-презлая, а в другом — добрая и приветливая. В доме для плохого настроения царил беспорядок — горшки, сковородки немытые, печь не чищена, паутина и пыль кругом, мыши и тараканы. В доме для хорошего настроения все совсем по-другому. Чистота и порядок. Печь сама каши варит, щи-борщи, пироги печет. Где сейчас Ягу искать — неведомо.

Конечно, друзьям хотелось бы пойти в дом для хорошего настроения, но она ведь могла быть и в другом доме.

— Я думаю, — почесал затылок Кузька, — что сначала нам надо пойти в дом для плохого настроения. Если бы Баба Яга жила сейчас в хорошем доме, то голос бы прятать не стала, потому что в этом доме она добрая и справедливая.

— Как это ты догадался? — подивился Лешик. — На самом деле, если она захватила себе Тотошин голосок, то наверняка прячет его в доме для плохого настроения.

Так посовещались друзья и направились в самую чащу леса, где и стоял дом Бабы Яги для плохого настроения.

Дорога предстояла неблизкая, нелегкая. Кузька и Лешик шли молча, посматривая по сторонам, чтобы не пропустить ничего важного. Совсем скоро они стали приближаться к дому Бабы Яги. Здесь даже лес отличался своей серостью, одичанием и запущенностью. На деревьях и листочка не сыскать, ветки корявые, раскинулись во все стороны — дорогу перекрывают.

— Ох, не люблю я эту Бабу Ягу, — сказал тихо домовенок Кузька, — она все съесть меня в этом доме хочет. Каждый раз грозит, неприятности от нее только.

— Но она ведь не всегда такая, — неуверенно произнес Лешик, — она и добрая бывает.

— Бывает, бывает, только все одно свои дела замышляет, — ворчал Кузька, — все для себя старается, о чужой беде не справляется.

Приблизились друзья к дому. Стоит избушка без окон, без дверей. Крыша у самой земли. Стоит, на ветру поскрипывает.

Подошли они поближе и давай кликать Бабу Ягу. Лешик звал, звал — никто не отзывается. Кузька звал, звал — снова никто не отзывается. В доме тихо, будто и нет там никого.

Обошли Лешик с Кузькой дом для плохого настроения со всех сторон, нашли маленькую дверцу. Открыли, внутрь заглянули. Так и есть. Бабы Яги не видать. Мыши по дому бегают, соломой шуршат. Пыль такая, что Кузька не удержался и чихать начал. Как чихнул — с крыльца свалился, да прямо в траву жухлую.

— Нет ее, — сказал Лешик, оказавшись около Кузьки, — пойдем в другой дом искать.

Кузька очень обрадовался, что не пришлось встретиться с ужасной Бабой Ягой. Теперь они в другой ее дом пойдут, а там она ласковая да приветливая, угостить может. Вспомнил Кузька о еде и понял, что проголодался. Дорога ведь сюда дальняя была, трудная.

Отряхнулся Кузька от пыли, мусора. И пошли они с Лешиком к дому для хорошего настроения. Как отошли друзья от того места, где предыдущий дом стоял, так в лесу сразу и повеселело. На деревьях птички поют-чирикают, солнышко сквозь веточки на лесные

тропиночки падает, смешные полосочки рисует. Сразу на душе хорошо стало.

Уж сколько шли Кузька с Лешиком, они и сами не знали, да только показалась крыша расписная посреди одной полянки. Стоит дом-красавец с крышей золоченой — лучи солнечные отражает, от того еще ярче светится. Окна блестят, сверкают. Ставни раскрыты — войти приглашают. На крыльце кот лежит, лапами фантик от конфетки тербит.

— Эй, коток, серенький хвосток, — обратился к нему Лешик, — дома хозяйка-то?

— По делам летает, — лениво ответил кот, перед этим внимательно изучив пришедших, — когда пр-р-рибудет, не знаю.

Кузька стоял и нюхал вкуснейшие запахи, которые приносились из дома. Ему стало совсем невтерпеж, так есть захотелось. Но он не знал, можно ли без хозяйки в дом заходить. Хотя дверь была пригласительно приоткрыта. Только кот разлегся на пути, и совершенно очевидно, что уходить никуда не собирался и приглашать гостей в дом тоже.

— Как я понимаю, — начал Кузька, — этот дом у Бабы Яги для хорошего настроения?

— Пр-р-равильно говоришь, — мотнул кот головой.

— А что же нас никто в дом не приглашает?

— Так это у Бабы Яги здесь хор-р-рошее настроение, а мне все р-р-равно.

— Не дело тебе, котик, — Лешик вышел вперед, — на пороге валяться, с фантиком играть. Давай зови, за стол сажай — будем хозяйку ждать, чай гонять.

— Ишь, раскомандовался, — привстал котик, — я кот, — он изящно выгнул спину и вскинул голову, — гуляю сам по себе, никто мне указывать не может. Я сам себе хозяин, а больше никто приказывать мне не смеет.

— Не смеет? — слышался ласковый голос откуда-то сверху.

Это Баба Яга в ступе прилетела. В другой раз она, наверное, кричать начала бы на котика своего, но тут ее дом для хорошего настроения, поэтому она заговорила напевно, но все равно слышались не очень приятные нотки:

— Ах ты мой золотой! Как же так? Неужели нет у тебя хозяйки?

Кот весь сжался и сделал невинную рожицу.

— Представляете, — обратилась Баба Яга к Кузьке и Лешику, — бедный, бесхозный, никто за ним не присматривает. А может, взять его к себе? Как вы думаете? Ой, простите, я, кажется, забыла с вами поздороваться. Несчастный котик меня отвлек, — она вылезла из ступы и отвесила поклон до земли.

— Здравствуй, Бабушка Яга, — вместе сказали домовенок и маленький леший.

— Ой, что ж мы у порога встали, — всполошилась Яга, — пойдете, гости дорогие, устали с дороги, небось.

Друзья, действительно, почувствовали усталость, да и жажда одолевала. Они с большим удовольствием прошли в распахнутую перед ними дверь и очутились в светлой и прибранной горнице.

Стол уже стоял накрытым, так что, умывшись с дороги, все сели за него и приступили к трапезе. Баба Яга угощала-потчевала, добавочку накладывала, все нахваливала-расхваливала.

Поели гости до отвала, так что из-за стола встать трудно, чайку попили, тут Кузька и решил спросить у Яги о том, зачем они с Лешиком пришли.

— Бабушка Яга, — вежливо произнес домовенок, — дело у нас к тебе важное-неотложное. Не находила ли ты в лесу голоса петушиного? Тотоска наш по лесу ходил да и потерял где-то. А без голоса деревенька пропадает — будить некому, голосить-кука-

рекать
некому.

— Какой голос? — заинтересовалась Баба Яга. — Петушиный, говоришь? Хороший, наверное, и полезный.

— Конечно, — кивнул домовенок.

— Ой, не находила, — ответила Яга и заинтересовалась: — А где именно потерял-то? Не знаешь?

— Не знаю.

— Может, и мне пойти поискать. Глядишь, в хозяйстве пригодится.

«Ну вот, — подумал Кузька, — я ей толкую о том, что это наш голос и нужен он нам очень, а она сразу к своему хозяйству его примеривает. Похоже, даже домом для хорошего настроения Бабу Ягу не переделаешь. Помочь не хочет».

— Ладно, — Кузька еле-еле встал из-за стола, — раз нету его у тебя, то пойдем мы.

— Да что ж так быстро уходите, — всплеснула руками Баба Яга, — сейчас щи горяченькие на подходе, ватрушечки с творогом. Ты же любишь ватрушечки с творогом? — спросила она у домовенка.

— Некогда мне ватрушечки с творогом пробовать, — ответил Кузька, — торопиться надо. Голос искать.

— А я с вами пойду, тоже поищу, — сказала Баба Яга.

— Нет, уж мы сами как-нибудь, — понял ее намерения Лешик, — справимся вдвоем. Ты лучше за котом своим последи, займись его воспитанием, а то он совсем от рук отбился.

— Ах, отбился, отбился, — согласилась Яга. Ничего больше говорить не стала — себе на уме.

Встали гости, поблагодарили Бабу Ягу за угощение, попрощались и вышли на полянку. Еще раз посмотрел Кузька на дом для хорошего настроения, полюбовался, но решил, что в его деревеньке все равно все дома не в пример лучше и краше. А главное, для любого настроения подходят они: хорошее — улучшают, а плохое — исправляют. Вот какие они славные!

Пошли Кузька и Лешик снова по лесу. Идут, на дороги смотрят, а вдруг где голос Тотошкин встретится. Но не встретили они голоса.

Тут Кузька вспомнил, что про голос не спрашивали у родника. Ведь Тотошка говорил, что ходил к нему, воду пил. Значит, там должен быть голос. Обрадовался Кузька, что вспомнил об этом.

— Пошли, — обратился он к Лешику, — нам к роднику сходить надо. Где он находится? Знаешь дорогу к нему?

— Конечно, знаю, — повеселел Лешик, — идем, — и он так резво побежал, что Кузьке пришлось его попросить идти потише.

Глава 5

Как Родничок домовенку помог

Родников в лесу было всего два, но один находился так далеко от деревеньки, что друзья подумали, будто это был не тот, с которым разговаривал Тотошка. Конечно же, они пошли к ближайшему.

В сердце домовенка поселилась надежда. Она просто окрылила его, и Кузька шел очень бодро, улыбаясь всем встречным. Лешик смотрел на Кузьку и радовался за него, потому что радость друга — самая лучшая в мире вещь, особенно если и у тебя все в порядке.

— Вон за той просекой, — сказал Лешик, — как только ее перейдем, сразу будет родник.

Друзья подошли ближе. В небольшую кучку были сложены камни, образуя собой свое-

образную чашу. Она была полна чистой ключевой водой. А так как она наполнялась постоянно — родник бил из земли, — то вода из этой каменной чаши стекала с высоты вниз, как маленький водопадик. А потом ручейком пряталась в траве, ища себе путь к речушке, что была совсем рядом.

Родник тихо журчал своими прозрачными струями. Кузька остановился и, как зачарованный, смотрел на это чудо. Он никогда не видел такого родника. У них в деревне были колодцы. Там вода тоже чистая и вкусная. Но воду из колодца просто так не возьмешь, надо ведро вниз на веревке опускать. А потом поднимать полное ведро вверх. А тут только руку протянуть, зачерпнуть в пригоршню воды, и можно пить.

— Здравствуй, Родник, — сказал Кузька.

— Приветствую вас, лесные странники, — не торопясь, прожурчал Родник. — С чем пожаловали?

— По делу мы, не праздные прохожие, — Кузька посмотрел на Лешика, заручился его поддержкой, — очень уж важное у нас дело.

— Экие вы важные, — тихо засмеялся Родничок. — Ну что там у вас за дело?

Кузька и Лешик нисколько не обиделись на

эти слова. Видимо, они на самом деле выглядели очень смешными — маленькие и очень важные. Но так уж сложилось. Даже маленьким иногда приходится быть важными.

— Я живу в деревеньке, что между двух холмов находится, — сказал Кузька, — у нас петух есть — единственный на всю округу. Так вот Тотошка, так петуха нашего звать-величать, гулял тут второго дня и где-то голос свой потерял. А без голоса он деревню будить перед зорькой не может. А если деревню вовремя не поднять, то такая суета начинается, неразбериха.

— Понимаю, — сказал Родничок, — да только чем я могу вам помочь?

— Тотошка и здесь был, воду, говорит, пил.

— Был, — Родник поигрался своими серебряными струями, — но только свой голосочек здесь не оставлял. Уж я бы его заметил.

— Не терял? — переспросил Кузька.

— Нет, походил, водицы моей отведал да и пошел себе дальше.

Кузя огорченно опустил голову. Все. Пропала последняя надежда. Что же теперь делать-то? Маленький домовенок присел на скамеечку, кем-то специально приготовленную для того, чтобы можно было в жаркий,

знойный день посидеть в тени деревьев около родника и испытать его прохладной водицы. Сел поудобнее, ножки свесил, голову чуть не до пояса опустил. Лешик даже переживать за друга начал.

— Да не грусти, — сказал он, — все наладится. Ну нет в лесу голоса. А может, и не терял он его? — вдруг пришла в голову маленькому Лешику мысль. — А что, правда? Может, где дома? А может, голос на Тотошку обиделся за что-нибудь и решил его прочить?

— Да за что обижаться-то, — почти всхлипнул Кузенька, — да разве Тотошка наш со своим голосом ссориться будет? Это он только червяков обижать может, а голос свой любит, перед всеми его расхваливает. Гордится им, как сокровищем!

— Не грусти, Кузенька, — и Родник пожалел домовенка, — не плачь. Слезами горю не поможешь. Лучше испей водицы моей сладенькой, тебе сразу легче станет.

— Знаю я, — причитал Кузька, — да только не поможет мне это. Все пропало! Все пропало! Как я в деревню с пустыми руками вернусь? Как на глаза своим покажусь? Засмеют!

— Не горячись, — вдруг как-то загадочно произнес Родничок. Так, как будто догадал-

ся о чем-то. — Испей воды моей ключевой. Быть может, откроется тебе, где голос Тотошки вашего. Попробуй.

Кузька сразу перестал плакать и внимательно прислушался к словам лесного родника. Лешику тоже они показались странными.

Кузька подошел, взял маленький серебряный ковшик, что на веточке висел для такого случая, зачерпнул им водицы ключевой, посмотрел на друга своего и осторожно попробовал воду. Попробовал — ничего особенного не почувствовал. Вода вкусная, прямо-таки сладкая, чистая-хрустальная. Кузька вопросительно посмотрел на Родник.

— Не бойся, пей, — подбодрил тот домовенка.

Кузька сделал глоток побольше. На этот раз, отпив побольше, Кузька почувствовал тоже самое, да еще то, что вода очень холодная, прямо ледяная. Домовенок снова взглянул на Родничок и на Лешика.

— Ну? — залился Родник серебряным смехом. — Как водица?

— Водица твоя отменная, только холодная. Но я так и не понял, что с голосом-то Тотошкиным? — Кузька почесал затылок. — А говорил, что вода волшебная.

— Ничего, поймешь, — неторопливо прожурчал Родник.

И тут Кузька на самом деле все понял. Он даже по лбу себя хлопнул.

— И как это я сразу не догадался, — почти закричал он. — Вода-то холодная, почти ледяная! Теперь все ясно. Тотошка голоса не терял, просто он... простудился. Вот и хрипит теперь, мучится. Заболел петух наш. Вот в чем дело!

Лешик тоже все понял и обрадовался, что домовенок догадался об этом.

— Все-таки ты, Кузенька, молодец, — сказал он другу. — Что теперь делать будешь?

— Лечить Тотошку надо. Может, подскажешь чем?

— На одной поляне у нас трава растет лечебная — душица и еще какая-то странная. Тысячелистник, кажется. У пчел меду можно попросить. Они не откажут. У своей коровы — молока. Вот и будешь Тотошку поить чаем с травами да молоком с медом. Глядишь, вскорости и выздоровеет.

Поблагодарили Лешик и Кузька Родничок за помощь такую и пошли на заветную полянку траву собирать, да потом к пчелам за медом.

На поляне цветов разных, травы — видимо-невидимо. Поди отыщи нужную. Хоро-

шо, что Лешик в травах разбирался, как житель лесной. Собрали друзья травы пахучей, в пучочки связали, за плечи закинули.

Пошли потом к пчелам за медом. Жили пчелы у большого луга. Цветов там было видимо-невидимо. Стоит над лугом гул пчелиный — это они работают, с цветка на цветок перелетают. Трудятся пчелы, стараются, даже поговорить им некогда.

Кузька с Лешиком подошли ближе и завели разговор с одной пчелой.

— Здравствуй, пчела-трудяга, — сказали друзья.

— Ох, некогда мне с вами разговаривать, — проворчала Пчела, — работы много, вести пустые разговоры никак нельзя.

— Но мы не просто так к тебе пристаем, — Кузька сделал несколько шагов к другому цветку, потому что Пчела уже туда перелетела. — Вы не могли бы дать нам немного меда? У нас петушок заболел, горлышко простудил. Петь не может — деревню не будит. А это ой как плохо, тяжело.

— Поможем петуху вашему, — участливо сказала Пчелка, — идите вон к тем ульям, что между деревьев стоят. Я сейчас тоже туда подлечу, меду вам дам.

Обрадованные друзья пошли к тем самым

деревьям, на которые показывала им Пчелка. Встали около улья, ждут. А вокруг пчелы снуют, того и гляди заденут или, чего доброго, укусят. На всякий случай Лешик и Кузька улыбаются, — чтобы пчелы поняли, что они им зла не желают.

Подлетела та самая пчела, которая обещала меду дать. Она велела ждать здесь, а сама юркнула в улей и долго не появлялась. Потом вылетела с горшочком желтого и душистого меда.

— Это для вашего петушка, передайте ему от нас привет и пожелание выздоровления.

Кузька и Лешик поблагодарили Пчелу и

пошли назад. Домовенок радовался тому, что очень скоро Тотошка будет здоров и сможет сам будить деревню. Будет петь-голосить всем на радость, всем на пользу.

— Ну что ж, пора прощаться, — сказал Кузька Лешику, когда они остановились на холме, с которого открывался прекрасный вид на его деревеньку.

— Пора, — вздохнул маленький леший, — но ты приходи. Тем более что ты знаешь теперь, как Тотошке голос вернуть. Как сделаешь, так и приходи играть.

— Ага, приду, — ответил Кузька, махнул ручкой и побежал по дорожке вниз.

Глава 6

Как вылечили Тотошку

Кузька вбежал в дом и увидел, что бабка Настасья сидит на табуреточке посреди комнаты и горько причитает.

— Ой, что делать, что делать? Не хочет петь Тотошка. Уж как просила я его, родненького. Как уговаривала. Аль случилось что с петухом нашим — второй день голоса не слышно? Вот беда-то.

И Анютка пригорюнилась, в окошко смотрит, да на улицу не идет: грустно ей, что Тотошка петь разучился. Она сегодня заходила к нему, он сидит на жердочке и молчит. А глаза грустные-грустные. Очень Анютке было жалко Тотошку. Он ведь такой красивый.

Посмотрел домовенок на своих хозяйшек. «Ну ничего, — подумал он, — вы у меня еще порадуетесь». А теперь надо Тотошку вылечить, голос его вернуть.

Увидел Кузька, что в доме все прибрано, приготовлено. Подтолкнул он бабушку Настасью и Анютку во двор: воздухом подышать, огородом позаниматься, а сам пошел к Тотошке с радостной вестью.

А Тотошка уж сам не свой. Вещи свои в котомку собирает — в лес уходить собрался. Увидел его за этим делом Кузька и спрашивает:

— Что с тобой, друг мой сердечный? И куда это ты собрался? Надолго ли?

— Все, Кузенька, прощай, — ответил петушок, — в лес ухожу, не буду больше глаза мозолить. Да и слушать не могу, как куры надо мной смеются, хихикают, кудахчат. Не жить мне в деревне без голоса, так уж лучше в лесу пропаду.

— Да, о чем ты говоришь? — никак не пой-

мет Кузька. — Неужели ты из-за голоса так переживаешь?

— А как же мне не переживать, — хрипел петушок, — кому я теперь такой нужен. Все при делах, у каждого место свое. А я только и могу, вернее мог, что петь. Ничего другого не умею. Так что же мне, просто так жить-бездельничать?

— Не переживай, — остановил Тотошку Кузька, — послушай, что я тебе скажу.

— Ничего такого сказать, чтобы меня остановить, ты не сможешь, но, ладно, послушаю тебя.

Сел Тотошка на жердочку, Кузьку пригласил присесть, пока еще как хозяин дома, и приготовился слушать. Видит, что у домовенка лицо ясное и довольное, но ничего пока понять не может. А Кузька не торопится рассказывать — сразу видно, тянет время, петушка дразнит.

— Понял я, Тотошенька, — медленно произнес домовенок, — что случилось с голосом твоим.

— Что? — вскочил петушок. — Говори, не тyani, что с ним? Где он?

— Сядь и посиди пока, не надо тебе прыгать и бегать, а я тебе все по порядку расскажу, — усадил Тотошку Кузька.

— Ты хоть скажи мне, нашел его или нет? — попросил петушок.

— Все будет в порядке, — сказал Кузька.

Потом он рассказал Тотошке про все свои приключения, про все, что случилось с ним и с Лешиком в лесу. Рассказывал со всеми подробностями, так было сейчас домовенку хорошо и спокойно. Наконец добрался домовенок до того места, когда они с Лешиком пришли к Роднику.

— У него спрашиваю, а он отвечает, что не брал и не видел никакого голоса. А потом воды попить мне предложил своей родниковой.

— Ну и что? — не понял Тотошка. — Тоже мне невидаль — воды попить. Мне тоже предлагал, и я тоже воду пил.

— Из родника? — спросил Кузька, как-то странно посмотрев на петушка. Так, как будто ожидал от него чего-то.

— Из него самого.

— Ну и как тебе водица? — спросил Кузька.

— Хороша. Сладкая, чистая, прозрачная, вкусная-я-я, — тянул петушок.

— И холодная, — добавил домовенок, — просто ледяная. Ты этого не заметил?

— Ну почему не заметил — заметил. Только что тут особенного?

— Эх ты, взрослый петух, а простых вещей не знаешь. Если вода холодная, просто ледяная, то от нее может заболеть горлышко. А тогда нечего удивляться, что у тебя голос пропал.

— Ты думаешь, что это от воды родниковой? — спросил Тотошка. — Именно она у меня голос отняла?

— Не она виновата, а ты сам. Не следовало тебе, петуху голосистому, ледяную воду пить — самого себя губить. Теперь вот жди, когда выздоровеешь.

— Ну вот, — засмеялся петушок, — а я в лес собрался уходить. Так теперь можно и обождать?

— Обождать можно, только надо нам голо-су твоему помочь, — Кузька показал на пучки трав и горшочек с медом, — лечить тебя будем.

— Лечить? — почти с ужасом закричал Тотошка.

— Так не больно это, а приятно и вкусно. Особенно медок от пчел лесных. Знаешь, как помогает.

Тотошка не знал, потому что никогда не пробовал меда лесного. Он оглядел горшочек со всех сторон, открыл его и понюхал, сунув внутрь свой клювик. Чуть измазал его. Языком слизнул.

— Ох, какой вкусный да ароматный! — сказал петушок.

— Ну вот, а ты переживал, — ответил Кузька, — нам теперь только травки заварить и молока у коровы попросить. Глядишь, к утру на ноги тебя поднимем.

— Да я и так на ногах, — не понял Тотошка, — зачем меня поднимать?

— Да просто говорится так, — пояснил Кузька, — когда человек болеет — он вроде бы как лежит. А когда выздоравливает, то поднимается на ноги. Вот я и говорю, что, может, к утру выздоровеешь.

— Неужели такое может быть? — обрадовался петушок. — Неужели уже завтра утром я смогу разбудить деревеньку?

— Будем надеяться. Ты пойдешь к корове за молоком, а я пойду травку заваривать. Будешь травяной чай пить с малиной и молоко с медом. Вон вечереет уже. Скоро коров пригонят и подоят. Молоко как раз тепленькое бери.

Кузька пошел в дом — траву заваривать. Отщипнул несколько травинок и положил их в ковшик с горячей водой. А оставшийся пучок на стену повесил. Пригодится еще. С этой душистой травой чай и просто так пить можно, не только, когда болеешь.

Приготовил чай, понес его к Тотошке. Захватил с собой шерстяной шарфик бабки Настасьи — горлышко петушку перевязать. А тот уже теплого молока от коровы принес. Всех кур из курятника выгнал, сидит, Кузьку ждет.

На улице стало понемногу темнеть. Кузька почувствовал, что он очень хочет спать, потому что предыдущую ночь он же совсем не спал — караулил рассвет. Но знал домовенок, что, похоже, и сегодняшнюю ночь придется провести ему на крылечке под звездным небом. С одной стороны, очень радовало это Кузьку, но глаза все равно слипались, и спорить с ними было трудновато.

Кузька и Тотоша стали готовить корзинку, где будет лежать, прогреваться петушок. Сам Тотошка натаскал свежей соломки, которая так хорошо пахла, что голова кругом шла от ее пряного запаха. В эту соломку добавили немного той травки, что Кузька с Лешиком в лесу набрали, — тоже для запаха. Все приготовили, получилось как гнездышко.

Обвязал потом Кузька Тотошкину шею шерстяным шарфиком, чтобы тепло ей было и горлышку тоже. Налил домовенок петушку полную чашку молока с медом. Масла ту-

да добавили, для смягчения. Выпил Тотошка молоко, лег в корзину с соломой и заснул.

Кузька решил, что чаю травяного потом даст, когда тот проснется среди ночи. Поправил ему домовенок шарфик, прикрыл еще петушка соломкой и вышел на двор — посмотреть, как там, что нового.

Вся скотинка по местам своим стояла, накормленная, напоенная, чистая-ухоженная. Все прибрано и по делу расставлено. Порадовался Кузька еще раз, что хозяйки у него такие смышленные, решил посмотреть, что же они сами делают.

В дом не стал заходить — с завалинки в окошко заглянул. Бабка Настасья носочки штопает, а Анютка за столом книжку смотрит с красивыми картинками. Даже издали было видно Кузьке, что картинки просто загляденье. «Наверное, новая книжка, — подумал маленький домовенок, — вот так вот, за заботами своими, вернее даже общими, и не замечаешь, что в доме творится. Вон у Анютки книжка новая, а я и не знаю, не видел. Непорядок. Ох, беспорядок. Так, не успеешь оглянуться, а она уже учиться начнет».

Думал так Кузька, стоя на самых кончиках своих лапачков на завалинке под окнами и прижав свой носик к стеклу. В комнате было так уютно, что домовенку ужасно захотелось туда попасть, залезть под стол, полакомиться ужином, а потом спрятаться в своем уголке и сладко поспать. Наверное, сны теперь будут сниться чудесные и волшебные.

Но нельзя было Кузьке в дом заходить. Уже больно соблазн велик. И ужинать Кузенька тоже не стал. А все потому, что он так рассудил: после еды совсем похорошеет ему, и тогда с чарами сна не справиться. А надо во что бы то ни стало сегодня еще ночь не поспать — за Тотошкой последить и, если надо будет,

деревню с утра разбудить. Вдруг голос за одну ночь не появится?

Снова сел домовенок на крыльце и высоко задрал голову. Сегодня звезд было поменьше, и небо какое-то низкое. Казалось, что если залезть на самую высокую крышу в деревеньке, то можно и до звезды достать.

«Вот бы на самом деле снять себе на память с неба одну звездочку, — думал домовенок, — как, наверное, приятно иметь у себя дома настоящую, самую настоящую звезду. Она ведь и в темноте светить будет — огонь можно сэкономить. И красиво очень». Кузька до того сам поверил в это, встал уже, чтобы слазить на крышу, но вовремя вспомнил, как дятел рассказывал о том, что звезды на небе очень высоко. Так высоко, что их не достать, даже если пять или шесть лестниц друг на друга поставить.

Кузька вдруг почувствовал, что голова его низко опускается. А потом он оказался внезапно на крыше и протянул свою руку прямо к ближайшей звезде. Звезда не стала долго ждать и сама прыгнула ему в руку. Кузька ощутил приятную прохладу на своей ладони, и ему стало так хорошо, как даже в сказке не бывает.

Он подержал звезду на ладошке и решил не брать ее с собой, а отпустить в небо. Ведь родной дом звезды там, а не у Кузьки в уголке за печкой. Он сам не хотел покидать свой дом, поэтому не стал уносить звезду от ее дома. Домовенок еще немного полюбовался ею, потом подкинул звездочку в небо. Она весело прыгнула и подмигнула домовенку.

И Кузька внезапно проснулся. «Ах, какой прекрасный сон я видел, — подумал он, — мне снились звезды». Домовенок снова посмотрел в небо и увидел, что одна звезда и впрямь мигнула ему. Или это показалось?

Кузька встал и стал ходить по двору, чтобы снова не заснуть. Прогулялся немного, а потом пошел в курятник — проверить, как там петушок.

Тотошка продолжал лежать в своем соломенном гнезде и крепко спать. Кузька совсем нечаянно задел вилы, и они упали на жердочку, глухо стукнув при этом. Петушок проснулся и спросил домовенка:

— Это ты? — голос, кажется, был не таким уж хриплым.

— Да, — тихо ответил Кузька, — давай теперь чай травяной с малиной пей, пропотеешь хорошенько и к завтрашнему утру будешь совершенно здоровым петухом.

— Как это прекрасно — совершенно здоровым петухом, — повторил Кузькины слова Тотошка, — как хочется на это надеяться.

Тотошка терпеливо выпил чай до самого доньшка, даже ягодки малинки все склевал и снова лег в корзинку с соломой. Кузька поухаживал за ним, как за ребенком малым, и вышел во двор.

Как ни боролся Кузенька со сном, но сдержаться не смог и, конечно же, заснул. Видел он сны волшебные, замечательные.

То он над лугом летал и жужжал, как пчела, то родником журчал, то лягушкой квакал. Совсем не чувствовал тревоги домовенок. Спал спокойно и тихо посапывал, сложившись клубочком на верхней ступеньке крылечка.

Вот уже и утро скоро наступит. Но спит Кузька — не просыпается. Вот скоро солнышко взойдет. И вдруг Кузька проснулся. В ушах у него крик петушиный звонким колоколом отдается.

Видит домовенок, что скоро зоренька алая деревеньку своим цветом окрасит. Слышит, как петушок Тотошка звонко поет, да так, что вся округа, наверное, уже проснулась. И так радостно стало домовенку, что и сказать нельзя!

Побежал он к забору, на котором всегда петушок садится песни свои петь. Подбежал и видит: сидит Тотошка — голову гордо вверх задрал, хвост распушил, крыльями машет, кукарекает лучше прежнего.

— Ах, Тотошечка, ах, миленький, как поешь хорошо, — стал нахваливать его Кузька, — значит, и впрямь не терял ты голоса. Просто простудился.

— Спасибо тебе, — Тотошка слетел с забора к Кузьке вниз, стал бегать вокруг него, благодарить, своей радостью делиться, — без тебя бы у меня ничего не получилось!

— Получилось, — улыбнулся Кузька, — просто времени больше ушло бы. А ты теперь знай — холодной водицы пить не следует. Голос беречь надо. А особенно тебе.

Петух был такой довольный, что никак не мог перестать благодарить домовенка.

— Ах, — сказала Корова, — неужели меня сегодня петушок поднял-разбудил? Как приятно, — она медленно поводила сонными глазами и уже что-то жевала.

Тут выскочили гуси, свиньи, хозяева погнажи овец на пастбище, и все радовались тому, что сегодняшнее утро началось с Тотошкиного голоса.

Радость — вещь хорошая, но дела она не переделает. Зато поможет их переделать весело и быстро. Именно поэтому в это утро у всех работа спорилась и удавалась особенно. Оказывается, как много зависит оттого, кто тебя разбудит и как.

Из труб домиков начал виться дымок — это хозяйки пироги затевали, другие возились с огородами. Кто-то пахал, кто-то строил, все и не перечислишь.

А домовенок Кузька решил, что может сегодня сделать себе маленький выходной, потому что хоть и поспал он немного сегодня ночью, только все одно — спать охота. Уснул ведь он под утро, а предыдущую ночь совсем не спал.

Не мог домовенок перед сном не проверить, как дела дома обстоят, как хозяйюшки с делами справляются. Глядишь, и позавтракать удастся, ведь вчера он без ужина остался.

Бабка Настасья тесто только поставила, стало быть, пирогов нет еще. Налил Кузька себе молочка, взял горбушечку черненькую, ватрушечку вчерашнюю нашел и позавтракал. Все так ему вкусно показалось — то ли он голодный был, то ли просто день сегодня особенный. А что день сегодня не такой, как

всегда, — в этом маленький домовенок не сомневался. Так оно и есть.

Залез Кузенька в свой уголочек, свернулся клубочком, словно киска какая, сладко зевнул, потянулся, улыбнулся, закрыл глаза и заснул. И никто его не будил, хоть и домовые в гости приходили, и Лешик из леса не выдержал, зашел спросить, что с голосом Тотошкиным. А не будили, потому как знали, что намаялся Кузенька за эти деньки, разыскивая голос Тотошкин, не спал.

Все пожалели волшебные сны маленького домовенка. Не стали их прерывать. Пусть Кузька смотрит, радуется. А потом сам проснется, за дело возьмется. А уж коль возьмется, то все обязательно хорошо и ладненько будет. Как всегда...

Оглавление

Глава 1	
<i>Утренние неприятности</i>	5
Глава 2	
<i>Где же друг закадычный?</i>	16
Глава 3	
<i>Никто ничего не знал...</i>	25
Глава 4	
<i>В гостях у Бабы Яги</i>	44
Глава 5	
<i>Как Родничок домовенку помог</i>	56
Глава 6	
<i>Как вылечили Тотошку</i>	64

Для младшего школьного возраста

Галина Владимировна Александрова

КАК ДОМОВЁНОК КУЗЬКА ВСЕХ ВЫРУЧИЛ

Повесть-сказка

Художник А. Шахгелдян

Редактор *М. Калугина*
Художественный редактор *А. Вовикова*
Компьютерная верстка *А. Петрушкиной*
Корректор *Т. Тарасова*

Подписано в печать 25.01.02. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 5.
Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3762.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина,
д. 21, стр. 3. (Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федера-
ции по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:
(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37
107076, г. Москва, Стромьинский пер., 4

И. Александрова Г.В. Как доновенок Кузька
и Виручия

— Зачем звали? — буркнул Червяк.
— Голос ищем, — ответил Кузька. —
Тотошка наш голос потерял!
Может, вы находили?
— Нет, голоса не видели и не брали.
У нас под землёй тихо.
Зачем такое грохотание?..

